

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Identity as an Object of Study Social Sciences: a Phenomenological Approach

Olga Koriakovtseva

Tatyana Bugachuk

Tatyana Dosse

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
Russian Federation

Abstract. *The transformation of Russian society provoked a new round of interest in the social sciences, including the growth of defined research on the formation of social identity, an important place in the structure which occupies a civic identity. The scientific article is devoted to research of problems of identity in terms of "existential crisis". The authors define the specifics of social and civic identity based on a phenomenological approach.*

Keywords: *identity, identification, consciousness, social identity, civil identity, existential phenomenology.*

Введение Introduction

Всемирная глобализация сопровождается отказом или игнорированием многих традиционных ценностей, что оказывает значительное воздействие на идентичность современных граждан. Сегодня перед исследователями встает вопрос о выработке технологий и моделей формирования новой идентичности молодежи, что имеет стратегическое значение для будущего любой страны. Но прежде всего необходимо определиться с пониманием сущности идентичности, формирующейся в период общественных трансформаций.

Цель исследования: на основе концептуальных идей экзистенциальной феноменологии осмыслить проблему идентичности молодежи в контексте российской действительности.

Поскольку современная общественная ситуация определяется неустойчивостью традиционно сложившейся системы ценностей, стереотипов мышления и поведения, утратой мировоззренческих ориентиров, то идеалом в обществе становится самостоятельная, активная и конкурентоспособная личность, которая вынуждена самоопределяться в условиях «кризиса идентификации». Особенно сложным процесс самоопределения и социализации представляется для молодой, становящейся личности. Наука призвана в этом помочь.

Категория идентичности оформилась в качестве важнейшей в рамках осмысления современных социокультурных процессов. Однако, несмотря на обилие теоретических и эмпирических исследований, она до сих пор является одной из самых сложных и теоретически многозначных. В зависимости от того, в какой области человеческого знания используется термин «идентичность», он приобретает свое значение и смысл.

Американский социальный философ А. Этциони справедливо утверждает, что если XX век – это борьба идеологий, то социальные процессы XXI века будут определяться вызовами идентичности (Этциони, 2004).

Безусловно, что проблему «экзистенциального кризиса» и вызов идентичности мы рассматриваем сквозь призму трансформационных процессов России. Но подобная ситуация сегодня складывается во многих странах мира.

Для России, как и для всего мирового сообщества, характерен кризис как индивидуальных, так и коллективных идентичностей, наблюдаются проявления полиидентичности и «размытой идентичности». Но особенность современного российского государства - его все основные системы находятся в стадии развития или трансформации.

Мы понимаем, что кризис идентичности связан с распадом СССР, разрушением советской ценностно-нормативной системы, идет формирование аномии. Все это разрушило историческую преемственность, усилило в молодежной среде абсентеистские, сепаратистские и даже экстремистские тенденции. Становится ясно, что в условиях нестабильности и безверия все сложнее соотносить себя не только с определенным социальным слоем или профессиональной группой, но и с такими социальными общностями, как государство и нация. Указанные тенденции настоятельно требуют философского осмысления сущности человеческого бытия и специфики его существования в эпоху постиндустриального информационного общества.

Исследование феномена идентичности, в частности содержания, механизмов формирования, функций продолжает привлекать ученых всех

сфер – философов и психологов, социологов и антропологов. Безусловно, этот феномен интересен и политологам.

Материалы и методы исследования *Materials and methods*

Началом изучения решения проблем формирования социальной, и в том числе гражданской идентичности для нас послужила экзистенциальная феноменология Э. Гуссерля и А. Щюца (Гуссерль, 2005; Щюц, 2004). В основе данной философской концепции лежит представление о субъективно осознанной социальной коммуникации и взаимодействии людей как базисе идентичности. Методологический смысл феноменологической дескрипции состоит в понимании и толковании, поскольку феноменология – это герменевтика в начальном смысле этого слова.

Идеи феноменологии и философские концепции экзистенциализма, взаимообогащаясь, сформулировали новое направление – экзистенциальную феноменологию, которая направлена на осмысление различных аспектов повседневного существования человека. Именно экзистенциальная феноменология выводит смысл вещей из субъективности (правда, в её обусловленности миром, физиологией и множественностью), а не из сущностно обоснованной объективности. Именно экзистенциальная феноменология, которая выделилась в первой половине XX века в Германии из феноменологического движения, сегодня становится, на наш взгляд, адекватным инструментарием для выявления, понимания и концептуализации наиболее важных аспектов бытия современного человека, в том числе и молодежи. Основы данного направления заложены в трудах М. Хайдеггера, Х. Арндт и М. Шелера, они определили новый неклассический стиль философствования, способствовали рождению новых идеалов и норм философского и научного знания. Все это делает феноменологию одним из наиболее значимых и популярных в современной философии направлений (Шелер, 1994).

С нашей точки зрения, автономная личность в современном российском государстве еще не сформирована, намечен только некий переход от личности коллективистской к личности автономной. Данное обстоятельство и позволяет предлагать для развития гражданской идентичности российской молодежи как долгосрочные всеобъемлющие технологии, так и краткосрочные автономные.

Потребовал осмысления и анализ проекта крупнейшего современного французского философа Алена Бадью, представленный проф. А. Г. Черняковым (СПбГУ) «Истина и бесконечность у Бадью и Хайдеггера». Следуя Хайдеггеру и Сартру, Бадью считает ключевой

философскую проблему свободного, с одной стороны, и увязшего в реальной жизни, с другой стороны, субъекта. По Бадью, бытие фокусируется в событийности, но истинно ли событие как таковое? Как это определить? Тем более, что историческая феноменология событий требует бесконечного процесса «верификации истины». Оба философа понимают истину как несокрытость, но, по нашему мнению, истинность события зависит как от исторического периода его интерпретации, так и от этического самоощущения субъекта – интерпретатора. Например, очевидно, что гражданственность, если она присуща личности, предполагает творение Блага для Отечества и общества, но вопрос о средствах достижения этого Блага всегда явится дискуссионным.

Исходя из вышесказанного, нам представляется, что возможности феноменологической дескрипции как стратегии философских исследований бытия современного человека велики, хотя специфика экзистенциальной феноменологии как самостоятельного направления на сегодняшний день недостаточно изучена.

Глубина философской мысли в экзистенциальной феноменологии определена ограниченностью предмета исследования: человеческая экзистенция и ее феномены. Смысл вещей выводится из субъективности, поскольку все вещи обретают смысл в зависимости от бытия – в – мире самого субъекта. Экзистенциальной феноменологии в отличие от феноменологии отказывается от позиции незаинтересованного наблюдателя и преодолевает дуализм субъекта и объекта познания, что особенно подкупает. Феноменологический опыт рассматривается как «источник взаимного преобразования человека и вещи» (Бедрицкая, 2012). Интерпретация результатов феноменологических исследований подразумевает самостоятельную активность людей, вещей и самого исследователя.

По мнению представителей экзистенциальной феноменологии (М. Хайдеггер, Х. Арент), жизнь всегда требует осуществления выбора, а следствием этого становится существование человека в одном из модусов: модусе «собственного» или модусе «несобственного». Значит, поскольку человеческое существование всегда подразумевает выбор, оно рассматривается феноменологической философией исключительно как возможность.

Одной из конститутивных характеристик экзистенции человека в экзистенциальной феноменологии становится «со – бытийность»: бытие с другими и темпоральность одновременно, - что имеет как позитивный, так и негативный смыслы. Негативный смысл связан с постоянным существованием человека в пространстве публичности, что ведет к отказу

от реализации своих возможностей бытия. Позитивный смысл заключается в признании возможности индивидуализации человека не в самоизоляции, а в со - бытии с другими, где только и возможно постижение уникальности каждого.

Мы понимаем, что отказ экзистенциальной феноменологии от субъект – объектных методических приемов естественных наук и развитие гусслеровской идеи интуитивного видения сущности привели к решению «мировоззренческой» задачи преодоления духовного и культурного кризиса человечества в целом и личности в частности посредством процесса взаимного раскрытия и преобразования. Результат – разительное изменение целостного мировосприятия человека. Экзистенциальный выбор, переход от одного модуса к другому требуют изменения образа мышления, осознания человеком самого себя и своей роли в общей системе, а также – проявления воли. От чего же зависит этот выбор? Несомненно, как от личностной позиции человека, так и от окружающего его социума.

Безусловно, личность как аспект философского рассмотрения многогранна и многоаспектна. Но феноменологический подход требует обращения к идеям основоположника философской антропологии М. Шелера. По его мнению, собственная сущность человека находится за пределами его биологического и социального существования, она лежит в его духовности, возможности человека быть личностью (Шелер, 1994).

Выдающийся представитель русского религиозного экзистенциализма Н. А. Бердяев называл личность духовной сущностью и считал что «активность человеческого духа» должна определять «активность его действий» (Бердяев, 1994). Данной точки зрения придерживается и О. А. Коряковцева (Коряковцева, 2008). Именно на этих философских постулатах мы предлагаем выстраивать технологии формирования гражданственности молодежи.

Вышесказанное делает необходимым обращение к двум «вечным вопросам» философии: в чем смысл человеческого существования и каково в нем соотношение индивидуального и коллективного? Именно потому, что они непосредственно связаны с самоопределением современной молодежи, а значит, и с формированием ее гражданской идентичности.

Общество создается людьми, его история – это деятельность человека, преследующего свои цели. Любое первичное действие принадлежит индивиду, включенному своим происхождением, воспитанием и профессией в определенные группы и в общество в целом. Внутренний мотив – это прежде всего потребности: материальные и духовные; индивидуальные и общественные; стратегические и сиюминутные; здоровые и нездоровые, - которые часто вступают в противоречие. Для формирования гражданской идентичности необходимым условием

является, чтобы потребности индивидуальные и общественные совпадали, чтобы сиюминутные порывы не побеждали. Так, например, перестройка в России не удалась, поскольку сиюминутные потребности и индивидуальные интересы определенных слоев общества взяли верх. Встает целый ряд вопросов: гражданственность – это духовная или материальная потребность? Индивидуальная или общественная? Стратегическая или сиюминутная? Какой интерес лежит в ее основе?

Общеизвестно, интерес есть осознание потребности, продукт общественного развития, причина индивидуальных и групповых человеческих действий. Определенные интересы часто возникают под воздействием идеологии (например, нацизм), поэтому неудивительно, что с «уходом» коммунистической идеологии в российском обществе остро встал вопрос о Национальной Идее, которая необходима для формирования российской идентичности, что неоднократно подчеркивается О. А. Коряковцевой (Коряковцева, 2008).

Результаты и их обсуждение *Results and discussion*

На основе концептуальных идей экзистенциальной феноменологии нами и была предпринята попытка интегративного обобщающего анализа исследований ряда аспектов идентичности в социальных науках. Целью подобного анализа явилось осмысление проблемы идентичности молодого поколения в условиях современного российского общества. С начала нашего столетия понятие идентификации вошло в тезаурус зарубежной психологии, этот феномен постоянно исследовался с позиций различных теорий личности (Доссэ & Бугайчук, 2013).

Феномен идентификации, начиная с З. Фрейда (который, собственно, и ввел термин «идентификация»), изучают сторонники психоаналитического направления (эпигенетическая концепция развития личности Э. Эриксона); приверженцы французской социально – психологической школы (в рамках теории социальных представлений С. Московичи); последователи символического интеракционизма (концепция баланса идентичности Ю. Хабермаса); представители когнитивной психологии (теории социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера, самокатегоризации Дж. Тернера) и других направлений.

В отечественной литературе анализу основных наработанных к сегодняшнему дню теоретических представлений об идентичности посвящены работы Г. М. Андреевой, Н. В. Антоновой, Е. П. Ермолаевой,

Н. Л. Ивановой, Т. В. Мищенко, Ю. П. Поваренкова, Е. Т. Соколовой, Т. Г. Стефаненко, Л. Б. Шнейдер и др.

Мы сделали анализ подходов к определению идентичности известных российских ученых Н. В. Антоновой, Н. Л. Ивановой и Ю. П. Поваренкова. Общей для социальных наук сегодня принята точка зрения, которая опирается на теорию Э. Эриксона. Поясним лишь несколько основных характеристик личностной идентичности, которые отмечаются в работах Э. Эриксона и его последователей. Идентичность есть «результат активного процесса, отражающий представления субъекта о себе, собственном пути развития и сопровождающийся ощущением сильного «Я» в собственной непрерывности, тождественности и определенности, что дает возможность субъекту воспринимать свою жизнь как опыт продолжительности и единства сознания, целостности жизненных целей и повседневных поступков, действий и их значений, которые позволяют действовать последовательно». «Согласно Эриксону, – отмечает Т. М. Буякас, – этот процесс организации самого разнообразного жизненного опыта обеспечивает человеку чувство имманентной идентичности – «субъективное ощущение тождества и целостности» (Буякас, 2000).

Дж. Марсиа определил идентичность как «структуру эго – внутреннюю, самосоздающуюся, динамическую организацию потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории» (Антонова, 1996). По мнению Ю. П. Поваренкова, для операционализации понятия идентичности Дж. Марсиа выдвинул предположение, что данная гипотетическая структура проявляется феноменологически через наблюдаемые паттерны «решения проблем», то есть через ситуацию выбора. Решение каждой, даже незначительной жизненной проблемы вносит определенный вклад в достижение идентичности. По мере принятия все более разнообразных решений относительно себя и своей жизни развивается структура идентичности, повышается осознание своих сильных и слабых сторон, целенаправленности и осмысленности своей жизни (Поваренков, 2003).

В работах А. Ватермана в большей степени акцентируется ценностно-волевой аспект развития идентичности. А. Ватерман считает, что идентичность связана с наличием у человека четкого самоопределения, включающего выбор целей, ценностей и убеждений, которым человек следует в жизни. Цели, ценности и убеждения А. Ватерман называет элементами идентичности. Они формируются в результате выбора среди различных альтернативных вариантов в период кризиса идентичности и являются основанием для определения жизненного направления, смысла жизни.

Таким образом, опираясь на обзор зарубежных исследований, посвященных понятию идентичности, сделанный в работах Н. В. Антоновой, Н. Л. Ивановой, Ю. П. Поваренкова можно выделить следующие характеристики данного понятия: чувство идентичности, единицы или элементы идентичности, формирование или развитие идентичности.

Вслед за зарубежными исследователями российские ученые также обратились к понятию «идентичность» (Мищенко, 2005).

Проблематикой природы идентичности занимались такие психологи, как Л. Б. Шнейдер, Д. Б. Колесов. Д. Б. Колесов соотнес представление об идентичности в логике и психологии. По его мнению, в логике идентичность – это вывод об отсутствии различий: одинаковость, неотличимость, полное совпадение черт сравниваемых объектов, процессов, явлений окружающего мира. В психологии идентичность – это переживание индивидом своего единства с каким-либо индивидом или их группой или своей приверженности к чему-либо, идее, принципу, «делу». Таким образом, идентичность в логике – это следствие отсутствия различий между сравниваемыми объектами, идентичность же в психологии имеет место, несмотря на различия, вопреки им.

Л. Б. Шнейдер связывает идентичность с самосознанием и определяет ее как «сложный феномен, сложную психическую реальность, включающую символические и рациональные уровни сознания, индивидуальные и коллективные, онтогенетические и филогенетические основания. Идентичность есть психический компонент самосознания, формирующийся и существующий в мире человека. Мы знаем, кто мы, осознаем свою идентичность в мире людей, профессий, наций и пр.»

Согласно концепции В. С. Мухиной, идентификация также является центральным механизмом структурирования самосознания.

По определению Е. Т. Соколовой и ее соавторов: «Идентичность – это устойчиво переживаемая тождественность Я во времени и пространстве. Оно предполагает аутентичность самовосприятия, высокий уровень интеграции частных динамических и противоречивых образов Я в единую связную систему, благодаря чему оформляется и сохраняется устойчивое, обобщенное и целостное индивидуально-личностное самоопределение, поддерживаемое и разделяемое общностью значимых других».

Е. И. Кузьминой осуществляется интерпретация категории идентичности с опорой на рефлексивно-деятельностную методологию анализа психологии свободы: 1. Основу бытия составляет свобода. 2. Свобода обнаруживается через выбор. 3. Свободный выбор предполагает ответственность. Ответственность представляется в форме переживания. 4.

Ответственность за свой выбор несет конкретный человек: Я (самосознание). 5. Выбирая, Я осуществляет самоопределение, самоорганизуется и персонализируется. 6. Самоопределение в различных ситуациях, персонализация через отношения с другими, самоорганизация как приобретение устойчивой структуры и формы интегрируется в идентичность. Идентичность характеризует актуальное состояние человека, качественную определенность Я в переживании Я-целостности и тождественности на срезе жизненного пути.

Вывод - сегодня идентичность понимается как сложный феномен, тесно взаимосвязанный с такими процессами, как самосознание и самоопределение, самоактуализация и персонализация, выбор и «событийность».

Отметим, что понятие «социальная идентичность» в научной литературе встречается всё чаще и это не случайно: в контексте последних социальных изменений усиливается интерес к проблеме социального выбора и самовыражения.

В трудах Дж. Мида, Г. Тэджфела, Дж. Тернера и их последователей утверждается, что социальная идентичность является результатом идентификации человека с конкретной общностью: расой, полом, профессиональной группой, национальностью и т.д. Н. Л. Иванова отмечает, что идея о наличии двух аспектов идентичности – ориентированного на социальное окружение («модус несобственного») и на уникальность проявлений человека («модус собственного») – наиболее полно воплотилась в теории социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера. По мнению Г. Тэджфела, личностная и социальная идентичности представляют собой два полюса одного биполярного континуума. На одном полюсе – поведение, полностью определяющееся личностной идентичностью, на втором – поведение, полностью определяющееся социальной идентичностью. Более типичным является поведение, находящееся между этими полюсами (Иванова, 2001).

Отметим, что на своем жизненном пути человек испытывает постоянное изменение структуры социальной идентичности, включаясь в новые сообщества. Вхождение в группу подразумевает принятие соответствующих групповых норм, правил взаимодействия (Доссэ & Бугайчук, 2013).

Достаточно полный анализ динамики групповой идентификации был проведен Т. Г. Стефаненко, И. Ю. Дьяконовым и М. Л. Бутовской. Согласно концепции данных авторов, выделяются три этапа данного процесса. На первом этапе, названном декларацией идентичности, в Я-концепцию индивида входит представление о себе как представителе группы (например, я – женщина, я – русская, я – нищая, я – пенсионер и т.д.).

Основным источником информации о качествах идентичности здесь становятся мнения и оценки членов других групп (референтных для индивида). На втором этапе происходит отождествление человека с другими членами группы. Индивид включает в образ Я общие характеристики новой группы, членом которой становится, а также усваивает нормы и стереотипы поведения, которые для нее характерны. Источником информации здесь являются другие члены группы, с которыми индивид вступает во взаимодействие в ходе совместной деятельности. Наконец, на третьем этапе индивид не только приписывает себе усвоенные нормы и стереотипы социальной группы, но они становятся регуляторами его поведения. Центральным механизмом развития идентичности здесь выступает соотнесение норм группы с собственной системой ценностей. Таким образом, идентификация с группой подразумевает непрерывный процесс сопоставления собственных ценностей с нормами группы. Уход от данной рефлексивной деятельности препятствует вхождению в группу уже на первых этапах этого процесса и провоцирует возникновение у человека маргинальной идентичности.

По мнению психологов, занимающихся проблемой групповой идентификации, потребность в самоуважении люди реализуют посредством отождествления себя с группой, которая оценивается ими позитивно. Если группа, с которой человек себя отождествляет, в силу каких-либо обстоятельств теряет в его глазах положительные характеристики, он будет стремиться либо дистанцироваться от нее физически или психологически, либо же прилагать усилия к восстановлению ее позитивного значения, каждый из этих вариантов в конкретном обществе и в конкретной культурно – исторической ситуации будет наполняться специфическим содержанием, их соотношение также будет специфично. Данной точки зрения придерживается и Н.А.Ананьева. Она рассматривает идентификацию с группой на примере идентификации с партнером.

Вопрос о необходимости восстановления позитивного значения группы отождествления особенно остро встает в период исторических общественных трансформаций, когда даже нация и государство теряют для человека свое позитивное значение, что и происходило до недавнего времени в России.

Таким образом, социальная идентичность, понимаемая как самоопределение индивида в социальном пространстве, как «событийность», предполагает категоризацию этого пространства, определение особенностей тех или иных позиций, групп и выработку поведенческих стратегий, необходимых для того, чтобы занять желаемую позицию. В связи с этим выделяются такие виды социальной идентичности,

как гражданская идентичность, религиозная идентичность, территориальная идентичность, национальная идентичность и т.д. Важно учесть, что наша страна многонациональна, поэтому прежде всего следует решать проблему формирования именно гражданской идентичности, предполагающей чувство гражданской общности, оценку у каждым своего статуса гражданина.

Современные тенденции в изучении гражданской идентичности характеризуются активизацией исследований в начале XXI века, которая обусловлена актуализацией идентификационных процессов на уровне гражданской общности.

Интегративный анализ научной литературы показывает, что у ученых, пришедших к осознанию необходимости разработки понятия «гражданская идентичность», отсутствует единая точка зрения относительно понимания данного явления. Например, в своих диссертационных исследованиях Т. В. Водолажская определяет гражданскую идентичность как реализацию базисных потребностей личности в принадлежности к группе; И. В. Конода оценивает ее в качестве политико-ориентированной категории, в содержании которой выделяются политико-правовая компетентность личности, политическая активность, гражданское участие, чувство гражданской общности; А. М. Кондаков осмысливает гражданскую идентичность как осознание принадлежности человека к общности граждан того или иного государства, имеющей для него значимый смысл; М. А. Юшин представляет ее как тождественность личности статусу гражданина, как оценка своего гражданского состояния, готовность и способность выполнять сопряженные с наличием гражданства обязанности, пользоваться правами, принимать активное участие в жизни государства.

В диссертационной работе Р. Ю. Шиковой гражданская идентичность рассматривается как структурный компонент социальной идентичности и определяется как результат процесса самоотождествления субъекта с соответствующими социальными группами на когнитивном и эмоциональном уровнях личности. Мы разделяем точку зрения А. М. Кондакова и М. А. Юшина: именно чувство сопричастности к деяниям на Благо Отечество (общества и государства) и участия в них определяют гражданина в единстве «активности духа» и «активности действий».

Исследованием проблемы гражданской идентичности в рамках социологической науки ведет С. В. Рыжова, которая изучает тенденции поддержания межэтнической толерантности в контексте формирования национально-гражданских идентичностей у русских и титульных национальностей в республиках; интересным работы Е. М. Арутюновой по определению содержания государственно-гражданской идентичности у студентов социально-гуманитарных направлений, исследования

Е. А. Гришиной по выявлению особенностей гражданской идентичности российской молодежи и т.д. Анализируя структуру гражданской идентичности, Е. А. Гришина отмечает, что «гражданская идентичность имеет объективную (предписанную как формально – государством и правом, так и неформально – доминирующими культурными и социальными стандартами и нормами) и субъективную (относительно произвольно конструируемую индивидом) составляющие». По ее словам, именно соотношение объективной и субъективной составляющих гражданской идентичности определяет степень ее целостности и функциональности для обеспечения социального воспроизводства через осуществление соответствующих социальных практик. Например, в стабильном обществе доминирует объективная составляющая. А в том случае, когда происходит радикальная трансформация социокультурных ценностей и норм в обществе, преобладает субъективная составляющая гражданской идентичности, что и наблюдается сегодня в России и ряде других стран.

Структура гражданской идентичности многогранна. В нее входят: государственная идентичность – соотнесение себя с определенным государством, восприятие своих конституционных прав и обязанностей; патриотизм – наполнение государственной идентичности ценностным содержанием, чувством сопричастности, гордости и любви; гражданственность – качества гражданина, характеризующие его как активного члена государства и общества, не только следующего своим правам и обязанностям, но и реально участвующего в его жизни. По нашему мнению, гражданскую идентичность целесообразно рассматривать как осознанный процесс соотнесенности или тождественности человека с определенной государственной общностью в конкретном социально-политическом контексте. В настоящее время гражданская идентичность справедливо рассматривается в науке в первую очередь как фактор консолидации вокруг интересов страны, поэтому степень ее укорененности в сознании и поведении граждан выступает как залог политической и духовной консолидации, а также единства общества. Побуждением к конкретному действию является стимул как отражение интереса в сознании людей. Каков же у современной российской молодежи стимул к социальной активности и гражданственности?

Подобная деятельность – это часть общественной (социальной) практики. Следовательно, сегодня требуется расширение пространства такой социальной практики, в ходе которой молодой человек осознавал бы себя Гражданином. Но при этом не следует забывать о ряде биологических особенностей детей и подростков, прямо влияющих на их социальную

жизнь, на которые указывают А. Розе (США) и Я. Щепаньский (Польша) (Социальная философия, 2000): длительная зависимость детей от родителей (долгая опека со стороны взрослых); медленное взросление; долгое обучение и социализация; пластичность, врожденные импульсы и потребности. Все это способствует развитию сложных образцов поведения и приспособлению, в том числе и социализации, а значит, именно в этот благоприятный период роста человека необходимо закладывать основы социальной, в том числе гражданской идентичности и в системе общественных связей формировать социокультурные мотивы.

Заключение **Conclusions**

Тейяр де Шарден справедливо заметил: «Мир движется в сторону усложнения, а оно сопровождается ... все большей значимостью психического сознательного» (Тейяр де Шарден П., 2002). Наш интегративный анализ научных исследований некоторых аспектов идентичности в области социальных наук подтвердил, что с развитием человеческого общества вопрос о смысле и образе жизни ставится все острее, а ответ на него – все неоднозначнее, поскольку в основе вопроса лежат наши ценностные предпочтения. Сегодня традиционная шкала ценностей рухнула, и не только в России, и в духовной атмосфере общества все более ощущается «экзистенциальный вакуум». Австрийский психолог Виктор Франкл обращает внимание на то, что «... в отличие от человека вчерашнего дня традиции не диктуют сегодняшнему человеку, что ему должно» (Франкл, 1990). Действительно, современный молодой человек не знает, что ему нужно, что он должен, а значит, и – что хочет. Следствием этого может быть либо конформизм, либо абсентеизм, либо экстремизм.

Философы XX века пришли к общему мнению, что две известные концепции смысла жизни «Иметь» или «Быть» не противоречат друг другу, они взаимообусловлены. В каждом человеке присутствует и то, и другое, главное, что преобладает... В своей работе «Иметь или быть» Э. Фромм, ссылаясь на З. Фрейда и его «Неудовлетворенность культурой», подчеркивает, что личность, чья ориентированность на обладание и владение превалирует и по достижению половой зрелости, остается постоянной, является патологической личностью, а значит, и общество, где членов с такой ориентацией большинство - больное общество (Фромм, 1986).

Человек склонен как к добру, так и к злу. Казалось бы, он волен выбирать, но его выбор обусловлен ситуацией в его идентификационной группе и обществе в целом. В каждом обществе преобладают определенные

стремления и способы их удовлетворения, следовательно, решение жизненных проблем и экзистенциальный выбор зависят не только от личности, но и от условий ее существования. Так какое же общество стремится построить Россия? «Больное» общество потребления? Или общество, в котором преобладает позиция «Быть»?

Принцип обладания заложен в инстинкте самосохранения, значит ли это, что концепция «Иметь» всегда будет превалировать? Вовсе нет, поскольку ей противостоят особые «со-бытийные» человеческие качества: потребность в общении с другими, потребность в самореализации, потребность в социальной активности и даже готовность жертвовать собой ради общественных интересов (а выполнение долга Гражданина, на наш взгляд, - одно из высших проявлений такой жертвенности). Недаром и Моисей, и Иисус, и Будда, и Конфуций, и Сократ, - все великие духовные учителя человечества в своих заповедях утверждали практически одни и те же гуманистические нормы человеческой жизни.

Представители экзистенциальной феноменологии (А. Камю, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж-П. Сартр) соглашались, что человек в итоге всегда одинок и мало что зависит от него, поскольку мир неустойчив: он постоянно предстает в разных интерпретациях. Но они оставили Человеку выбор. И сегодня мы его понимаем следующим образом: Человек может выбрать не только, как ему жить, но и, как ему относиться к миру. Именно выбор этого отношения к миру кажется нам самым важным в самоопределении формирующейся личности в условиях общественных трансформаций. Человек может рассчитывать только на выражение своей позиции (отношения) или отстаивать ее и тем самым оптимизировать социальную среду. Жан Поль Сартр справедливо заявляет, что реализовать себя можно не погружением в себя, но в поиске цели вовне, что Человек ответственен и за себя, и за общество (Сартр, 1989).

Встает вопрос, каким образом личность, наделенная правом выбора и долгом ответственности может повлиять на общественную ситуацию? Каково сопряжение индивидуального и коллективного как основы идентичности?

Очевидно, что разные формы коллективного предполагают и разные формы индивидуализации людей. Это определяет отличия одной социальной системы от другой, особенности которых на основе феноменологического метода можно четко описать посредством сопоставления преобладающих способов связи индивидуального и коллективного бытия людей.

Сегодня отношения индивида и социума эластичны и многогранны, а значит, созданы условия для более широкого проявления его

индивидуальности. Автономия индивида растет, что, с одной стороны, ведет к одиночеству и возможности манипулировать его сознанием и поведением, а, с другой стороны, способствует возвышению самости Человека, раскрепощает его творчески.

Эта противоречивость отражается на развитии потребностей и мотивов современного человека. В развитых слоях общества, где забота о пропитании уходит на второй план, материальное богатство уже «не обожествляется», Человек ищет другие точки приложения своим силам, например, распространяются антииндустриальные, антиглобалистические теории, растет активность экологических движений и т.п. Меняется характер требований к содержанию и результатам труда, наступает глубокий перелом в общественных настроениях. Так ли это в России? Вероятно, российское общество в целом сегодня живет идеей «заработать на приличную жизнь»; мы еще не насладились благами цивилизации. Но в то же время в нашем сознании еще сохранились традиционные для Руси идеи святости, странничества, подвижничества и жертвенности во имя Высшего Блага, которым всегда почиталось Благо общества и Отечества. Все сказанное подтверждается результатами экспериментального исследования гражданской идентичности молодежи, проведенного в лаборатории «Изучение гражданской идентичности молодежи: сущность, условия развития, перспективы» в 2015-2016 г.г.

Опыт прошлого как образец для подражания сегодня не совсем годится, хотя в ответах ряда реципиентов акцент с количества (степень материального достатка) переносится на качество и новизну благ и услуг, на возможности проявить свою самостоятельность и способности в профессии и общественной жизни. Очевидно, что нужны новые способы ориентации молодых в действительности.

Массовый стандарт в отличие от ценностей традиционной групповой культуры не закрепляет личную идентичность, не дает готового ответа на вопросы: Кто Я и с кем Я? К чему Я должен стремиться и почему?

Молодому человеку приходится делать собственный выбор из возможных вариантов, определять свое отношение к себе и к миру. Поле свободного самоопределения широко. На ранних этапах становления личности этот выбор очень труден. По нашему мнению, задача системы образования – помочь в главном: в становлении и развитии социальной, в том числе гражданской идентичности. Иначе в России не может быть сформировано развитое гражданское общество, о котором так много говорят видные политики и СМИ. Кроме того, следует помнить, что в самой молодежной среде в связи с недоверием к интеллектуальной компетентности общественных и политических институтов и их информации идет поиск новых форм социальной активности и общения,

который выражается в повсеместном распространении неформальных движений.

Подрастающее поколение необходимо прежде всего хорошо знать и понимать, убеждать делом и привлекать к делу. Социальная феноменологическая психология способствует этому, утверждая, что каждый человек видит мир по-своему, отражая собственную субъективность. Экзистенциально-феноменологический подход в психологии ориентирует на изучение «жизненной» феноменологии, на объяснение своеобразия интерпретации «жизни» с позиций конкретного человека.

Очевидно, что эффективная модернизация современного образования тоже невозможна без философского осмысления. Философия образования призвана определить философско-антропологическую основу понимания личности ребенка, сущности и целей образования; выявить гносеологические принципы процессов познания и обучения; обозначить методологическую основу дидактики.

Выводы:

1. Осмысление проблемы подтвердило наличие экзистенциального вакуума в XXI век, в том числе и «вакуума идентификации», что может привести молодежь к конформизму, абсентеизму, экстремизму.
2. Для преодоления «Вакуума идентификации» необходим выбор жизненной концепции «Быть в со-бытии» с другими, а не «иметь». Экзистенциальная феноменология убеждает, что самым важным в самоопределении личности в период общественных трансформаций является выбор личностью ответственного отношения к миру.
3. Россия сегодня – на перепутье: растущая автономия индивида противоречит традиционным идеям подвига на Благо общества и Отечества. А основой высокого уровня идентичности будет оптимальная сопряженность индивидуального и коллективного.
4. Для формирования гармоничного гражданского общества необходимо системно решать задачу становления и развития социальной, в том числе гражданской идентичности, поскольку она является важнейшим фактором политической и духовной консолидации граждан. Для решения данной задачи следует модернизировать государственную молодежную политику: не столько должны делать общество и государство для молодежи, сколько – молодежь для общества и государства.

5. Для развития идентичности необходимо изменение направление вектора государственной молодежной политики: использование как автономных, так и долгосрочных технологий формирования гражданственности молодежи; воспитание по принципу от «активности духа» - к «активности действий».

Для исследования процессов в молодежной среде и условий формирования идентичности особенно важно определить, какова ценностная шкала и мировоззренческие ориентиры личности в современной культуре, каково осмысление социокультурных оснований жизни индивида и общества.

Ответы на эти вопросы можно найти в результатах исследования социальной и гражданской идентичности современной российской молодежи, проведенного вышеупомянутой Лабораторий, но об этом – в следующей статье, а здесь мы осмыслили концептуальные идеи «экзистенции» и «идентификации» личности, предложенные современной наукой и убедились, что решение «мировоззренческой» задачи преодоления духовного и культурного кризиса человечества связано с экзистенциальным выбором каждого, с осознанием человеком самого себя и своей роли в общей системе отношений. Для оптимизации данного процесса необходимо системная долговременная работа по формированию идентичности российской молодежи.

Summary

Many domestic and foreign authors note that today the human need for identity exits leading to one of the first places. Category identity took shape as an essential part of understanding in today's socio-cultural processes. However, despite the abundance of theoretical and empirical research, it is still one of the most complex and multi-valued theory. Depending on in which area of human knowledge, the term "identity", it acquires the value and meaning. Note that this concept becomes one of the central problems in modern science, because it is associated with the complex problems of social theory and practice: examines issues of identity and its individual species, including civic identity. Integrative analysis of the research of some aspects of identity in social science has confirmed that the development of human society, the question of the sense and lifestyle put increasingly scarce and the answer is - everything is ambiguous, because the heart of the matter lies our value preferences. Clearly, different forms of collective and involve different forms of human individualization. This determines the difference of one social system by another, especially that based on the phenomenological method can be clearly described by a comparison of the prevailing methods of communication of individual and collective human existence.

Ссылки
References

- Antonov, N. V. (1996). The problem of personal identity in the interpretation of modern psychoanalysis, cognitive psychology and interactionism. *Questions of psychology*. № 1. (pp. 131-143).
- Bedritskiy, N. V. (2012). *Existential phenomenology in Germany in the first half of the twentieth century: the origins and essence*. Minsk.
- Berdyaev, N. A. (1994). Creativity and freedom. Individualism and universalism. V.1 *The philosophy of creativity, culture and art*: in 2 v. M. Arts.
- Buyakas, T. M. On the problems of the formation of a sense of self-identity of psychology students. *Vestnik MGU. Series 14. Psychology*. 2000. № 1. (pp. 56-62).
- Dosse, T. G., & Bugaychuk, T. V. (2013). Identity as an object of study of social sciences. *Yaroslavl Pedagogical Gazette*. Number 3. Volume II. (pp. 212-217).
- Etzioni, A. (2004). *From Empire to the community. A new approach to international relations*. Moscow.
- Frankl, V. (1990). *Man's Search for Meaning*. M.: Progress.
- Fromm, E. (1996). *To have or to be*. Moscow.
- Husserl, E. (2005). *Selected Works*. Moscow.
- Ivanova, N. L. (2001). *Social Identity and education problems*. Yaroslavl.
- Koryakovtseva, O. A. (2008). *Socio-political activity of young people: the nature, technology and experience of comparative analysis*. Yaroslavl.
- Koryakovtseva, O. A., & Bugaychuk, T. V. (2013). *Socio-political and psychological basics of working with young people*. Yaroslavl.
- Mishchenko, T. V. (2005). *Formation of professional identity of students of pedagogical high school*. Yaroslavl.
- Povarenkov, Y. P. (2003). *Psychological characteristics of professional identity. The crisis of identity and concerns of civil society*. Yaroslavl. (pp. 154-163).
- Sartre, J.-P. (1989). *Existentialism - a humanism*. Moscow.
- Scheler, M. (1994). *Selected Works*. Moscow.
- Schyuts, A. (2004). *Selected: World glowing sense*. Moscow: ROSSPEN.
- Social Philosophy* (2000). Volgograd: Publishing House of the Volgograd State University.
- Teilhard de Chardin, P. (2002). *The Phenomenon of Man*. M.: OOO «Publisher ACT».